

Конюницыны в истории России и нашего края

Владимир БУДЬКО, краевед

О Петре Петровиче Коновнице, герое Бородино и воспитателе цесаревича Николая Павловича (впоследствии императора Николая I), написано немало. Он сам, будучи военным министром, дал непосредственное указание создать полномасштабный труд о войне 1812 года. За дело взялся первый историк Отечественной войны А. И. Ахшарумов, бывший в 1812-м адъютантом генерала. В 1813-м он вместе с генералом посещал гдовское имение Кярово. Книга Ахшарумова «Историческое описание войны 1812 г.» вышла тогда же. Следующее издание этой книги с указанием автора Ахшарумова появилось через шесть лет.

При подготовке обоих изданий П. П. Коновницын был и консультантом, и цензором,

и фактически руководителем проекта. Он доставлял на прочтение рукописи книги непосредственно императору Александру I. Авторы «Военной энциклопедии» дали следующую характеристику труду Ахшарумова: «Русский воин-самовидец не только обстоятельно и кратко (вся книга имеет 294 страницы) изложила фактическую сторону войны, но во многих местах не забыла высказать свои мысли и замечания, не утратившие во многом своей правильности и интереса даже и до настоящего времени. Отсутствие ссылок на источники отчасти умаляет значение его труда, но последний всё-таки по правдивости и искренности изложения несомненно принадлежит к замечательным».

В Кярово в 1813 году заехали три адъютанта генерала и молодой тогда офицер А. И. Михайловский-Данилевский, который следовал с Коновницеми в расположение действующей армии за границу. То была необыкновенно талантливый и осведомленный человек, которому поступило предложение Кутузова служить при его штабе и которому доверял написание секретных бумаг сам государь. Впоследствии Михайловский-Данилевский многие годы служил на ниве военной истории. По приказу Николая I он приступил к написанию официальной истории Отечественной войны 1812 года. В его 4-х-томной работе (1839) генерал Коновницын упоминается многократно,

в то время как в некоторых трудах советской поры он помнят лишь вскользь. Популярный в России труд действительно члена Императорской Российской академии, генерала и сенатора Михайловского-Данилевского впоследствии переиздавался. В 1836 году академик стал лауреатом Демидовской премии.

К числу лучших описаний Бородинского сражения Михайловский-Данилевский относил донесения М. Б. Барклая де Толли, Н. Н. Раевского, А. С. Дохтурова и П. П. Коновницына, которые сохранили свою историческую ценность до сих пор. До нашего времени в виде большого фрагмента сохранился дневник Михайловского-Данилевского за 1813 год, где приводятся характеристики «кяровского генерала» и есть пара строк о самом имени.

«Едва раны мои начали закрываться», — писал Михайловский-Данилевский, — и я получаю некоторое облегчение, как приехал в Петербург из армии генерал Коновницын. Он привёз мне приглашение от князя Кутузова поспешить возвращением моим в главную квартиру и присовокупил, что так как он скоро туда отъезжает, то ему будет приятно, ежели я поеду с ним вместе. Я приняла с должною признательностью столь лестные от двух знаменитых особ предложения, и 16 января я отправилась с ним, со всем его семейством и адъютантами его, теперешними генералами Павленковым,

Ахшарумовым и Фроловым, в село его Кярово, находящееся в Гдовском уезде, где мы прожили неделю. Гостеприимные хозяева ахшарин нас, молодых офицеров, как детей своих. Я проводила обыкновенно утро с Коновницеми, перебирая карты его, планы и бумаги, из книг самые любознательные относилась до последнего Финляндского похода, где он был дежурным генералом. У него сохранилась переписка его тогошнего времени с князем Багратионом, графом Каменским, Раевским, Тучковым и другими именитыми генералами и также переписка государя с графом Буксгевденом...

Говоря о графе Коновнице, я не могу не упомянуть об одной прекрасной черте его характера: он не только любил отдавать справедливость офицерам, которые под его началом отлично служили, и при всяком случае превозносил их, но он сие дела с особенным удовольствием, выражавшимся на добром лице его; казалось, похваля подчиненным была пищею души его, благородной и возвышенной. Таким образом он превозносил особенно убитого в Бородинском сражении полковника Гавердовского, уверяя, что офицер сей имел необыкновенные способности... (...) Уступление Москвы лежало у него сильно на сердце. Редкий день проходил без того, чтобы он не упоминал мне о сем обстоятельстве, присовокупая каждый раз: «Я не подавал голоса к сдаче Москвы и в военном

совете предложил идти на неприятеля. Я только один раз, сказал он, советовал отступить в отечественную войну, это было при Красной Пахре».

К обеду (в Кярово. — Прим. ред.) приезжали обыкновенно соседи. Можно легко себе представить, что разговоры относились единственно до войны 1812 года, только что окончившейся; воспоминания о ней были свежи и восхитительны! С каким вниманием слушан все, когда Коновницын рассказывал о происшествии его, он, знавший все тайные пружины действий тогошнего времени. По вечерам у нас бывали танцы, и на скрипке играл, хотя весьма дурно, герой, который за несколько недель носился молниеносно перед полками и которого потомство будет чтить как одного

из виновников освобождения России.

Коновницын разделил участь генералов, которым судьба предоставила увековечить имя своё в походе 1812 года, подобно многим из них он был выключен из службы императором Павлом и употребил время изгнания своего на размышление и обогащение памяти своей познаниями... (...) Он также занимался составлением записок для воспитания детей своих, страстно им любивших и участь которых, особенно старшего сына его и дочери, им богоуверенной, в последствии сделалась так ужасна: сын его был разжалован в солдаты, а дочь последовала за своим мужем в Сибирь.

(...)
Имя Коновницына сохраняется всегда в нашей истории

Дом Коновницыных в имении Кярово. Фото нач. XX в.

Портрет П. П. Коновницына. Худ. Дж. Луи

по великому участию его в Отечественной войне. Под Витебском, Смоленском и Бородиным он командовал в самых опасных местах, а арьергардные его дела от Смоленска до Бородина поставлены бы были в прежние времена, когда армии не были столь многочисленны как теперь, в числе генеральных сражений... После уступления Москвы, когда наша армия находилась в великом беспорядке, князь Кутузов назначил его дежурным генералом, избрав его в сие звание как способнейшего для приведения войск в устройство. Не довольствуясь сим званием, он был во всех сражениях со стрелками или впереди колонн: можно сказать, что он начальствовала в сражениях под Тарутинным и Мало-Ярославцем; под Вязьмою и Красным он одушевляла воинов своим примером, носясь повсюду с неизменною быстротою и действуя именем главнокомандующего. По

получении известия, что не стало неприятельских войск в России, он испросил позволение увидеться со своим семейством... В сие время естественно было стараться обратить на себя внимание монарха, чтобы получить милости за понесенные труды, но Коновницын просил одной только милости – увольнения на несколько дней, чтобы обнять супругу свою и детей. Я видал его в пылу сражений и посреди семейства его: искреннее уважение к памяти его запечатлелось в моём сердце, и изображение его никогда не выйдет из моей памяти».

В начальное советское время все потомки генерала Петра Петровича Коновницына подвергались историческому ostracismu. В Гдовском музее в одной из справок сказано: «Из потомков Коновницына в положительную сторону отметил некого». Между тем один из них – Алексей Иванович Коновницын – издал в 1912 году уникальную книгу «Подвиги славных предков в гонимую Отечественную войну». Доход от неё автор направил на учреждение в одном из кадетских корпусов стипендии имени генерал-адъютанта графа П. П. Коновницына.

Уникальность книги Алексея Коновницына заключается в том, что она как бы передаёт всю «кляровскую легенду» о Петре Петровиче в «незамутнённом виде». В книге описывается усадьбный дом и принятые в нём порядки. Особо подчеркивается, что личное помещение

кабинета героя не претерпело изменений за 100 лет, прошедших со дня окончания войны. В книге даны фотографии интерьеров дома, где можно увидеть мемориальные уголки и настенные экспозиции деятелей первой Отечественной войны России. Автор приводит также бесценные для нас родословные изыскания, которые иллюстрирует большим количеством фотографий. Именно из этой книги взяты иллюстрации, опубликованные во многих работах авторов нашего времени, начиная с трудов Е. И. Иванова и кончая книгой потомков-эмигрантов генерала.

А. И. Коновницын был активным деятелем Союза русского народа (СРН), который пытался противостоять революционной смуте в России. Он обращался с воззваниями к революционерам, призывал их покаяться перед русским народом, за что был расстрелян большевиками. Его обвиняли в монархизме, контрреволюции и антисемитизме.

Последние дни жизни и реальные обстоятельства расстрела этого человека описаны в книге «Коновницыны в России и в изгнании». Из воспоминаний сына следует, что Алексея Коновницына расстреляли в ночь с 30-го на 31 января 1919 года (по старому стилю) в городской тюрьме Гдова. Похоронили убитого якобы на городском кладбище. Сторож за плату показал место его могилы. Можно ли доверять показаниям того

сторожа, неизвестно. В Гдове существует легенда о том, что тело убитого графа было закопано возле снесённого памятника императору Александру I, в крепости, близ тюрьмы. На том месте после строительства собора во имя Державной иконы Божией Матери отцом Михаилом (Желочиним) поставлен был памятный крест с соответствующей надписью.

Исследователи приводят имя человека, который хвастался после расправы, что именно он застрелил Коновницына. Им якобы был наш земляк Я. А. Ветров, уроженец деревни Пуговично (вблизи Попковой Горы). В честь его в Гдове названа улица. Самого Ветрова расстреляли уже белые из отряда Булак-Балдахвичи, и могила его также не сохранилась.

Между тем в воспоминаниях П. А. Коновницына «судьями и палачами» названы непосредственно члены тройки: Образцов (председатель Гдовской ЧК, бывший студент), Данилов (фактически некто Блохин – человек с угловатым прошлым) и Трофимов (рабочий Путиловского завода).

В газете «Псковская губерния» – «американский Коновни-

цын» пишет: «Мы искали гроб и могли деда моего отца – зверск убиенного большевиками гр. Алексея Ивановича, но не нашли. Надеюсь найти и поставить ему надгробный крест. Он один из многочисленных новомучеников России». По данным же архива С.-Петербургского УФСБ А. И. Коновницын был расстрелян в Петрограде.

В книге «Коновницыны в России и в изгнании» дан огромный пласт столичной и гдовской

революционной истории. По прочтении глав «Большевичский переворот» и «Во власти ЧК» нормальному человеку становится душно.

А. И. Коновницын был участником 4-го Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося 26 апреля – 1 мая 1907 года в Москве. Выступив на сессии, посвященной вопросам общественной безопасности, он предложил разоружить евреев и еврейские отряды самообороны

и легализовать русские отряды. Свою позицию по отношению к революционерам (завинчавшимся в то время в России откровенным бандитизмом. – Прим. ред.) он выразил в открытом письме: «Если же впрямь какой-нибудь подлец из этой гнусной компании дерзнет только напасть, с целью лишить жизнь, на кого-либо из членов Союза Русского Народа, или же на кого-либо из правительственных должностных лиц, или мирных

жителей, то раз он очутился в руках членов Союза Русского Народа, в силу права самозащиты на месте будет уничтожен. Что же касается меня, то если Господу Богу угодно будет, чтобы я погиб от руки злодея, то завещая всему Русскому Народу тотчас же после моей смерти беспощадно уничтожать сотнями и даже тысячами революционеров, которые пока почти безнаказанно наводят страх и ужас на все малодушное мирное русское население под флагом освободительного движения. Нужно помнить русскую пословицу «Клин клином вышибают»».

В 1915 году, после смерти старшего брата Э. И. Коновницына, А. И. Коновницын переехал в родовое имение Карово и был избран председателем Гдовского дворянства; одновременно его избрали председателем Гдовского отдела СРН. Тремя годами ранее в предисловии к своей книге он писал: «...За пережитое столетие после Отечественной войны расшатался устои русской жизни. Внутренний враг... куда сильнее и опаснее Наполеона, а потому борьба... будет крайне тяжело и чревато последствиями. Вера наших предков, вера православная, этот главный оплот русского человека, ныне поколеблена в народе и, главным образом, среди интеллигенции и заменена или неверием, или равнодушием к вере, а чувство патриотизма, любви к отечеству заменилось кажим-то космополитизмом, от-

вергающим всякое отечество и любовь к своей родине. Ныне на Руси идёт усиленная борьба, имеющая целью заменить Самодержавие Русского Царя конституцией или народовластием ... Все это привело нашу страну к какой-то анархии, грозящей гибелью России, если русские люди не встрепнутся. Поэтому в защиту своего отечества, лучшие люди русской земли, потомки славных героев-богатырей должны вступить в борьбу с внутренними врагами России и, по примеру прошлого, выступить в полном между собою единении, имея путеводной звездой жизнь и деятельность достойных своих предков».

Книга Коновницыных-эмигрантов «Коновницыны в России и изгнании» вышла в 2014 г. Общей скрепой для неё стали мемуары правнука генерала – П. А. Коновницына (†1965, Лос-Анджелес). Он приводит краткое описание родного имения и праздник, который состоялся в Карово в 1913 году.

Означенный праздник, очевидно, состоялся 30 августа и был посвящён 100-летию юбилею 4-го пехотного Копорского генерала графа Коновницына полка, входившего в дивизию, которой командовал прославленный генерал. Поляк участвовал в Бородинском сражении. 16 мая 1903 года этому полку исполнилось 100 лет. Ему было пожаловано новое Георгиевское знамя с юбилейной Александровской лентой, имевшей надпись «1803–1903», с сохранением

прежней надписи на знамени «За отличие при Кулеиче 30-го мая 1829 г. и в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».

«1913 год, – читаем в воспоминаниях П. А. Коновницына. – Солнечный, тёплый, летний день. С утра запрягли тройку в большую парадную карету с семейными гербами на дверцах. Отец и младший брат Шура поехали на пристани озера делегацию от 4-го Копорского полка, которая прибыла возложить венки на могилу своего Шефа, моего прадеда (П. П. Коновницына – В. Б.).

После полудня стали съезжаться приглашённые: предводитель дворянства, чиновники из города и помещики. Собралось человек тридцать. Затрещали в церкви, и делегация полка: командир полка, старший офицер – подполковник, адъютант, фельдфебель и два унтер-офицера, в парадной форме, – понесла в церковь на бархатной подушке большой серебряный венок из дубовых и лауровых листьев с широкой Георгиевской лентой. Отец в дворянском мундире с орденами, предводитель дворянства, гости и вся наша семья встретили делегацию полка у входа в храм. Крестьяне и крестьянки в праздничных нарядах наполнили церковь и стояли в ограде. Народу собралось так много, что все не смогли поместиться в церкви. После торжественной панхимии, делегация возложила венок на могилу.

Против дома, на лужайке, накрыли столы для гостей, а за

Декабрист М. М. Нарышкина
Нам. худ. 1820-е гг.Е. П. Нарышкина (Коновницына) – жена
Декабриста Худ. К. Гамсан. 1820-е гг.

церковной оградой устроили утюжение для крестьян.

Обед проходил очень оживленно. Когда разлили шампанское в бокалы, отец произнес свой тост:

«Милостивые Государыни и милостивые Государи!

Празднуя в настоящее году истекшее столетие славной Отечественной войны, мы должны, особенно в настоящее время, когда нашей родине Россия грозит внутренний враг, куда опаснее и сильнее Наполеона, тесно сплотиться и проникнуться славными воспоминаниями доброго старого времени и всего тогда пережитого, чтобы в полном единении со своим Царём поднять на Руси, как прежде, как это делали наши предки, то же чувство беспредельной любви к своему Отечеству, а затем дружно грудью отстоять тот натиск, который готовят

нам враги России: инородцы-революционеры, а также русские люди, прикрывающиеся для своей пользы именем патриотов, но творящие зло и неправду. Эти враги желают извергнуть силу и мощь России – Самодержавного русского Царя, и тем навсегда погубить наше Отечество.

Укрепившись прежде всего в нашей вере православной, мы, в виду грядущих событий, должны с молитвою обратиться к Господу и просить Его: «Боже, спаси Россию! Сохрани нам нашего Царя Самодержавного, сохрани нам этот единственный источник правды и справедливости и помоги народу русскому пребывать в полном единении, отстранить всякое злодействие, чтобы тесно объединиться с помазанным Твоим, Православным Русским Царем, на благо дорогой всем нам России».

Раздались крики – ура!

Начался тосты. Пили за славный Копорский полк Петровской дивизии, а с лужайки, около церкви, доносились крестьянские песни.

Когда стало смеркаться, гости стали раздеваться.

Отец приказал снять со стены в гостиной большой портрет Петра Петровича прекрасной работы французского художника и подарил его в офицерское собрание Копорского полка». Таково бесценное свидетельство очевидца о празднике в имени Керово в 1913 году.

Из местных публикаций можно вспомнить очерки в газете «Гдовская заря», где особую лепту в биографию о Коновницыных внесла исследователь Г. Егоров.

Писал о Коновницыных и наш краевед Фёдор Алексеевич Чуринов. Его родная деревня Ужово частью своей принадлежала Коновницыным. Чуринов переписывался с московской линией семьи, а также особо интересовался его детьми. Пётр и Григорий Коновницыны по молодости лет принимали участие в декабристском бунте на Сенатской площади. Фёдор Алексеевич в своей публикации «Поиск продолжается» особо подчеркивал, что ему доводилось лично осматривать декабристские музеи и памятники в Сибири в Чите, Петровском Заводе, Верхнеудинске и Иркутске. Видел он вещи Коновницыных и в московском Государственном Историческом музее.

Генерала Петра Петровича Коновницына запечатлели известные художники своего времени. Портрет графа кисти английского живописца Дж. Доу находится в Государственном Эрмитаже, в Военной галерее Зимнего дворца. Существовал также знаменитый портрет П. П. Коновницына работы О. А. Кипренского, происшедшего из крепостных крестьян Ямбургского уезда. Портрет писан был в бытность генерала военным министром.

В материалах интернета этот портрет представлен добротной копией неизвестного мастера. Известна также копия с этого портрета, писанная П. А. Коновницыным. Она приводится в книге «Коновницыны в России и в изгнании». В этой же книге есть ещё один портрет Петра Петровича в военном мундире, писанный также Петром Алексеевичем с графического оригинала, который изображал генерала в шапке с козырьком и накиннутом пальто с меховой оторочкой. К сожалению, потомки не сообщают сведений о местонахождении этого портрета.

Среди жаровых работ, на которых был изображён Пётр Петрович, наибольшую известность получило полотно А. Д. Кившенко «Военный совет в Фляках» (1880). Эта картина имела ещё и книжный вариант, который являет собой добротную иллюстрацию к роману А. Н. Толстого «Война и мир». В настоящее время именно иллюстрация, а не картина получила

наибольшую известность. Надо помнить о том, что Коновницына на совете в Фляках противостоял Кутузову и другим генералам по вопросу оставления Москвы. Он был сторонником сражения непосредственно у стен столицы, о чём приводит свидетельство А. И. Михайловский-Данилевский.

На известной картине П. Гесса «Сражение при Бородине 26 августа 1812 года» (1843) П. П. Коновницына изображён в момент принятия им командования у раненого Багратиона. Эта картина находится в Государственном Эрмитаже.

С живописных портретов Коновницына раньше печаталось множество гравюр и литографий, что было в духе того времени, когда на свет не являлись ещё дагерротип и фотографии. Графические изображения Петра Петровича имелись и в Кярово, а также во многих домах дворянской России.

Раньше тиражировались и настольные бюсты генерала. Один из них тоже имелся в Кярово. Он был сделан из бронзы. Об этом писал в своих мемуарах П. А. Коновницын. На старой фотографии, сделанной в гостиной кяровского дома, другой, больший уже бюст, запечатлен перед большим зеркалом в гостиной комнате. Размером он был не менее 50х50 см. Возможно, то был в свое время памятник-бюст, который стоял перед коновницынским домом в Кярово и который потом перенесли в комнаты.

В имени существовали также парковые памятники, один из которых сохранился до наших дней. Справа от храмового погоста сегодня стоит большой гранитный обелиск грубой тёксы с античной урной в навершии. Его в память о старшем сыне своём, декабристе Петре Петровиче Коновницыне, поставила графиня Анна Ивановна Коновницына. Сын внезапно умер от холеры и был похоронен непосредственно по месту службы своей на Кавказе. Табличка с монуменента бесследно исчезла. От неё остались только крепёжные отверстия.

«В день отправления из Владикавказа посетила я могилу Петра Коновницына. Он с братом Иваном Петровичем после декабрьских событий 1825 года был переведён в Отдельный Кавказский корпус. Воевал с персами и турками. Дослужился до поручика, а в августе 1830 года заболел холерой. Тогда смерть косила многих. Елизавета Петровна Нарышкина, урождённая Коновницына, часто рассказывала о своих братьях. Мы с ней и супругом Михаилом Михайловичем (М. М. Нарышкиным, декабристом – В. Б.) вместе выехали из Кургана в Старополю. Там расстался, он уехал на правый фланг Линии, в Навагинский пехотный полк. Елизавета Петровна прошла тогда, кто будет во Владикавказе, проведать могилу любимого Петруши... на горе Прометей».

На месте внехрамового погоста был усадебный парк, и

памятник Петру Коновницину, видимо, стоял на перекрестке амей. Крестьянские захоронения возле него, по свидетельству Ф. А. Чуркина, появились лишь в 1930-х годах. В усадьбе известно старое кладбище, которое находится за рекой. К сожалению, оно сегодня не используется.

Сам граф поставил в имени каменный памятник-пирамиду в честь своего друга и соратника Я. П. Гавердовского, погибшего на Бородинском поле. Тело Гавердовского тогда найдено не было, а, стало быть, и могилы его не существовало. Это сильно расстроило Петра Петровича. Генерал предполагала патристическое и воспитательное значение этого памятника для детей и посетителей имени.

Рисунок пирамиды из диких валунов сохранился в записной книжке генерала (1812) и приведен в одном из очерков Е. П. Иванова. В Гдове на памятной площадке стоит полностью идентичная пирамида воинам, погибшим уже в другое время и на полях другой войны.

В записках генерала приведены стихи, сочинённые им в память Гавердовского:

*В трудах на палку посвящённых,
В отважных подвигах военных,
Само от славы находил.
Умом высоким одарённый,
Усерднем служил отечеству,
России верным своим был.
Пускай же воспоминание
Детей моих влечёт внимание,
Как я его достоинства чтю.*

На Бородинском поле стоит стела, посвящённая воинам 3-й Пехотной дивизии, которой командовал П. П. Коновницин. В одном из биографических источников Петр Петрович писал о себе, что он «был в действительных сражениях с поляками – в 4-х, со шведами в 22-х, с французами, с 15-ю при них нациями, в 21-м. Итого в настоящих делах, кроме аванпостных, шармоцелей и реконгиссировок разных, в 47-ми».

Представляется интересной линия исторических исследований о родстве Коновнициных с царской династией Романовых. Она, правда, разработана не полностью. Когда в 1912 году в Бородино происходили юбилейные торжества по поводу победы в Отечественной войне, самый младший отпрыск Коновнициных сидел в царской ложе на почётном месте рядом с императором и цесаревичем. Тут же присутствовали другие представители рода Коновнициных по мужской линии. Дам из этого рода принимала царица.

Тогда же часть реликвий из собрания семьи перекочевала в старую столицу Руси, в Дворянское собрание на специальную выставку, где и осталась на вечное хранение. Примечательно, что в преддверии 100-летнего юбилея столичные власти обратились с запросом в псковскую администрацию, согласно которому следовало указать о памятниках и мемориальных вещах, которые касались событий войны 1812 года. В связи с этим

в опросных документах в первую очередь фигурировали реликвии Кярово: «... В Гдовском уезде в имени Кярово гробница графа Петра Петровича Коновницина, героя отечественной войны бывшего дежурного генерала при главнокомандующем, Светлейшем князе Кутузове Смоленском. Гробница графа Коновницина находится в церкви имени, у левого клироса перед гробницей, где почитает прах графа, находится на мраморной подставке икона Казанской Божьей Матери, риза которой сделана из пожалованной графу Коновницину золотой, украшенной бриллиантами сабли, а сбоку таковой расположена другая икона Ивана-воина с надписью, что «эта икона всегда сопровождала графа Петра Петровича Коновницина во всех походах 1812 года»».

Когда графу понадобились средства на лечение и поездку в Европу, его семье были выделены из казны на расходы более 40 тысяч рублей. Об этом писал псковский исследователь Е. П. Иванов.

Работа с материалами по Кярово, я обратил внимание, что псковские и прочие историки не помнят вовсе о пребывании Коновнициных на территориях современного Сланцевского района. Между тем историк, свидетельствующий об этом, хорошо известен. Это «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии» (Вып. X. 1885). Из них следует, что Коновницин уча-

ствовал здесь в храмовом строительстве в имени Завастье, а также в погосте Сижко: «... Мыза Завастье, прежде князя Дондукова-Корсакова, а потом – Коновницина. Тут была прежде церковь, разоренная Литвою; часовня, бывшая на месте церкви, перенесена в 1830 году в Косыгин Логи». «Погост Сижко находится в 180 верстах от Петербурга и в 45-ти от Гдова, у реки Сижкини, близ просёлочной дороги из Лути в Нарву. Церковь построена гг. Хвостовы и Коновницини».

В храме села Рудно некогда хранился синодик Коновнициных. Местный автор XIX века Е. А. Андреев пишет о Коновнициных применительно к Гдовскому соборному храму: «Соборная церковь, опустошённая шведами, долго оставалась в безнадёжном положении, но древние иконы были спасены, или в последовавшие времена мира написаны, того неизвестно. Думаю, что, судя по их древности и стилю, они принадлежат к царствованию Алексея Михайловича. Надпись под иконою Святого Дмитрия свидетельствует, что иконы написаны и иконостас устроен господином Григорием Петровичем Коновнициным и женою его, Ефимией Кирилловной, в 1737 году. Надпись эта более принадлежит иконостасу, чем иконам и скорее может относиться к их возобновлению. Притом она составлена уже в 1811 году».

Примечательно и свидетельство Андреяно о ратном труде

Богдана Коновницина в Острожке при озере Самро: «... У Пенянского погоста и озера, где был тогда городок (Острожек) и начальствовал думный боярин Иван Иванович Щепин,

и находился Богдан Иванович Коновницин, – предок нынешних графов этой фамилии, имевший тогда мызу и свою церковь в Завастье, близ погоста Рудного».

Мне доводилось в Москве кратко ознакомиться с документами о Коновницких, хранящимися в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Там лежат тысячи дел так называемой «Гдовской съезжей избы». Для их исследования следует предпринять специальную экспедицию. Но на это нужны определённые денежные средства.

Согласно архивным сведениям, семья П. П. Коновницина, его предки и потомки владели в пределах современного Сланцевского района деревнями Омут, Степановщина, Мокреци, Свиные Головы (близ Сижно), Завастье (близ Рудно), Подсосенье (там же) и др. По реке Нарове Коновницинским принадлежали острова вблизи деревни Омут, находящиеся сегодня в составе Эстонии. Среди них острова Озерский, Русь, Уинов (он же Усов), Телтец и Лапин, а также Переволочный остров (он же Застружье). Особо в архивных описях отмечены «отхожие сениные покосы на реке Плюссе, принадлежащие к разным деревням 11 часть, графа Ивана Петровича Коновницина (3 десятины, 100 квадратных саженей)».

И, наконец, в Центральном государственном архиве

(ЦГИА) имеется дело, в котором указано о землевадениях Петра Петровича Коновницина непосредственно на территории современного города Сланцы: «Зубова Гора пустошь, на которой стоит почтовый дом, состоящая внутри дачи деревни Ковригиной Горы, Поле тоже с деревней Теплиновой генерал-майора Петра Петровича Коновницина (4 десятины, 50 квадратных саженей)».

Эта запись говорит о том, что в начале XIX века генерал владел у нас деревнями Б. и М. Поля, которые раньше носили названия Ковригины и Тепликовы Поля. В названии этого дела особо отмечено, что на государственном тракте Гдов – Ковригина Поля – Нарва уже при этом помещике существовала почта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Гдовского музея истории края. Ф. 52. Док. 103.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 880. Оп. 8. Д. 127.

Андреев Е. А. Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда. Из записок крестьянина Ефима Андреева. //

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Выпуск X. СПб., 1885.

Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ахмарумов,_Дмитрий_Иванович

Евров Г. Летописец войны 1812 года побывал в Кярово // Гдовская заря. 11.06.2002. № 46 (11452).

Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницин. Псков, 2002.

Коновницин А. И. Подвиги сланцев предков в годины Отечественной войны: 1812–1912. СПб., 1912.

Коновницин П. А., Коновницина Е. А. Коновницин в России и изгнании. СПб., 2014.

Михайловский-Давыдовский А. И. Журнал 1813 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>

Псковский И. Г. Гдовский уезд. Общий очерк // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Выпуск X. СПб., 1885.

Семшарова Ю. Свет ушедших звёзд // Псковская губерния. № 2 (524) 19 – 25. 01. 2011. Электронный ресурс. Режим доступа: http://gubernia.pskovregion.org/number_524/06.php

Степанов А. Алексей Иванович Коновницин. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.hgodo.ru/biograf/bio_k_konovnicyn_ai.php

Чуркин Ф. А. Поиск продолжается // Знамя труда. 20.08.1983 г.

Д. Косов

ЛЮБИМЫЕ МЕСТА

*Сюда ложу я неспроста,
Здесь берега из шёлка,
Здесь плещет Плюсса у моста,
А рядом с ней – Крушяка.*

*Сюда приходит рыбаки
В черепаховый остров,
Где под обрывом две реки
Встречаются, как сёстры.*

*Какой там сьёр! Какая тень!
Раздолье на луз.
Я провидел бы цепей дель
На этом берегу.*

*Там, над иллушанами реч
Раскинулись сады.
Живи, рабочий человек,
Трудись, не жай бед!*

*А дай лазурна и чиста,
Любуясь и гуржусь,
Мои любимые места,
Моя родная Русь!*

1971 г.